

В отличие от той Ассамблеи, которая имела место в Нью-Дели семь лет тому назад и преимущественно была посвящена вопросам веры и устройства, Упсальская Ассамблея запомнится как конференция, сосредоточенная на темах жизни и христианского делания. На ней Всемирный Совет Церквей, то есть большая часть христианского мира со всей силой убеждения, со всей озабоченностью любви и солидарности обратилась к проблемам современности: голоду, обездоленности, бесправию, дискриминации, ко всем формам зла, порожденного человеческой недоброй волей или являющегося результатом горестных, трагических обстоятельств земной жизни.

Во всех обсуждениях, во всех дискуссиях меня поражала подлинность, искренность тех людей, которые в них принимали участие. От самых старых до самых молодых – все с глубоким сочувствием и пониманием хотели взять на себя ответственность за тот мир, который создан в течение двух тысяч лет под знаменем Христа и в который мы, христиане, внесли столько неправды.

Эта христианская озабоченность современностью – а мир современен и Богу и людям изо дня в день, из тысячелетия в тысячелетие – не случайна. В самой сердцевине христианской веры лежит тема солидарности Бога и – в Нем, ради Него, вместе с Ним – человека, верующего в Него, с судьбой мира. Еще в Ветхом Завете, в книге Иова, в девятой ее главе, истерзанный, измученный Иов восклицает: где же тот посредник, который положит руку свою на меня и на моего судью?.. Где же тот, – хотел он сказать, – кто согласится в этой трагедии несправности и обездоленности сделать шаг, который его поставит в центр конфликта; сделать такой шаг, после которого нет отступления, такой шаг, который делает его участником одновременно двух сторон этого конфликта? Ибо в этом заключается самая сущность христианского отношения к ответственности и к солидарности. Христианин **не выбирает сторон**; он видит неправду, он должен с ней бороться изо всех сил, но одновременно неправда не должна закрывать ему **человека**. Человек поступает нехорошо, но он остается человеком, и задача жизни не в том, чтобы стереть его с лица земли, его отодвинуть, дабы он путь дал другим, а в том, чтобы и его спасти, как об этом говорит с громадной силой и с такой убедительностью, основанной на принесенной им жертве, Кинг, в своем слове, которое было два раза цитировано на Ассамблее.

Для христианина поклонение Богу и служение человеку – одно и то же. Это две стороны одной медали. Мы не можем поклоняться Богу, Который есть любовь, без любви. Мы не можем исповедовать Бога, Который есть любовь, не воплощая эту любовь в жизнь. Мы не можем называться учениками Христа, Который взял на Себя трагическую солидарность и с Богом и с людьми одновременно, и отказываться от ответственности, от солидарности и с Богом и с людьми. Поэтому важное значение играла на Ассамблее секция, посвященная богочитанию, поклонению Богу, богослужению, в работах которой мне довелось участвовать.

Наши собеседования на тему о богослужении показали, что две проблемы стоят сейчас перед христианским сознанием, два кризиса охватили тему богослужения и частной молитвы: с одной стороны – кризис веры, с другой – кризис собственно богослужения.

Кризис веры заключается в том, что в Америке и в целом ряде западных стран вера в Бога пошатнулась или, вернее, не вера в Самого Бога, а представление о Боге. Так называемое “новое”, “радикальное” богословие поставило перед лицом христиан образ Бога, который очень трудно поддается почитанию. Мы верим в Бога личного, в Бога Живого Ветхого и Нового Завета; многие же теперь, пройдя стадию веры в то, что апостол Павел называет Богом философов, то есть в Бога, о Котором можно думать, Которого можно себе представить, перешли через грань и перестали вообще себе представлять Того Бога, к Которому они обращаются в молитве. Этот Бог стал расплывчатым; Он является предметом разных умозрений, но не доступен диалогу. К Нему обратиться нельзя. И поэтому существует очень острый кризис богослужения, очень острый кризис личной молитвы.

Но, кроме этого основного кризиса, есть кризис, относящийся к форме богослужения. В богослужении есть два аспекта. С одной стороны, богослужение должно быть выражением веры, любви, надежды, живого отношения между Богом и человеком. С другой стороны, богослужение должно быть больше человека и больше самой общины: богослужение должно открыть целый мир не только понятий, но и опыта, который нам дает Сам Бог. Так вот, кризис охватывает обе эти стороны богослужения.

Прежде всего, те богослужебные формы, которые у нас есть, были созданы в древности и в последующие века. Они выражали с большой яркостью религиозный опыт и религиозные переживания тех людей, которые их создавали. Но прошли столетия. Не только сознание, но и мироощущение людей глубоко изменилось. И теперь очень многие чувствуют, что они не могут влить вино новое в мехи ветхие, что они не способны больше выражать себя до конца, полностью, со всей значительностью в тех формах, которые когда-то в совершенстве выражали их предков.

Здесь играет большую роль, во-первых, язык. Язык, на котором написаны, составлены молитвы и богослужебные чины, – это язык той эпохи, в которую они создавались. У нас это язык славянский, у греков – это уже недопонимаемый византийский язык. Поэтому очень многие трудности встречаются на пути того, кто хочет до конца пережить молитвенные слова, молитвенные образы, выражения. Существует очень много слов, которые потеряли свое значение; они уже не значат того, что значили в то время, когда эти молитвы были составлены. И поэтому очень часто молящийся не может пережить то, что перед ним лежит, потому что он не понимает, о чем идет речь. Если бы это были слова просто непонятные, он мог бы навести справку, узнать, что они значат. Когда же это слова, которые сохранились в русском, например, языке, но изменили свой смысл иногда почти до неузнаваемости, тогда человек не ставит себе вопроса, – и это еще хуже, так как он не понимает настоящего смысла молитвенных слов, молитвенных выражений и придает им иногда совершенно изуродованный смысл.

Но язык – это не только слова, это тоже образы, картины, переживания, которые связаны со словами и которые в одну эпоху могут быть очень живыми, а в другую эпоху почти что вымереть. Есть слова, которые принадлежат определенному времени, но потом тускнеют и вымирают; есть слова, которые рождаются и делаются крылатыми словами одного только поколения, и потом уходят в забвение. Это проблема очень острая и очень важная, потому что слова-то люди часто и понимают, но то, что они значат, то переживание, которое вложено было в них изначально написавшими эти слова, ускользает от людей, и молитвенные чины тускнеют. Влить в них новую жизнь можно: личной молитвой, созерцательным, молчаливым углублением в себя – **мимо** слов, но не **благодаря** тем словам, которые потеряли свой смысл.

В этом отношении для нас, для Русской Церкви употребление славянского языка является проблемой, – и не только за границей, но и в России. И странным кажется нам, живущим за границей, что на все языки мира можно переводить наши богослужебные чины, нашу дивную литургию, вечерню, утреню, часы, пасхальные и великопостные службы – кроме как на родной русский язык. Иным кажется, что славянский язык настолько близок к русскому, что не надо, **не стоит** этого делать. А некоторым кажется, что славянский язык по отношению к русскому является как бы поэзией по отношению к прозе. Но это справедливо только для тех, кто знает славянский, то есть далеко не для всех, далеко не для большинства. Это привилегия небольшого и всё тающего меньшинства людей. И поэтому перед нами встает вопрос двоякий: с одной стороны, об употреблении живого языка вместо языка древнего, и, с другой стороны, о поновлении самого текста, ибо есть образы, картины, выражения, которые больше не вызывают умиления, которые в лучшем случае оставляют нас безразличными, а в худшем случае вызывают чувство недоумения, – делается как-то не по себе, “неудобно”. Это относится не к существу богослужения, а только к его форме, к его выражению. Если же говорить о существо отдельных молитв, то, конечно, многие из них, написанные в древней Византии, не находят никакого отзвука в славянской душе. Некоторые образы, которые принадлежат Ветхому Завету, не находят никакого отзвука вообще в современном человеке. Иносказательно те или другие выражения мы готовы употреблять, но в прямом, живом смысле, с живым переживанием мы не в силах этого сделать. И об этом нам надо задумываться, потому что молитва должна быть **правдивой**; она не может быть условностью, она должна быть прямым, непосредственным выражением человеческого опыта, личного и сверхличного, человеческой души, соборности церковной, и не смеет быть археологическим воспроизведением того, что когда-то имело свой смысл, а теперь потеряло его.

В связи с этим, может быть, следует упомянуть и о символике богослужения. Богослужение наше имеет целью передать религиозный опыт, а этот опыт просто в умственных категориях передать нельзя. Он передается не только картинно, притчами, он передается символически, то есть через употребление, сочетание и движения, и слова, и музыки, и драматического как бы представления событий, которые таким образом доходят до сознания лучше, чем их можно довести только умственным изложением. Это относится не только к Церкви; символика существует и в литературе, особенно в поэзии, и в науке; она существует также и в политической жизни. Нет такой области, где бы не употреблялся тот или иной символизм, то есть где бы не употреблялись те или другие движения, выражения, формы выражения, которые несут смысл, которые доводят до сознания людей смысл, не заключенный просто в тексте или в предмете. Возьмите, например, флаг. Он значит для нас Родину. Это символ. То же самое – само слово “Родина”. Это не только определение географическое, общественное. В этом слове содержится целый мир переживаний, вся история, вся общность судьбы, все общие надежды, не только прошлое, но и всё будущее. Такое слово является символом.

В Церкви тоже есть символы, и употребляются они по тому же самому принципу, как все символы; только и они иногда тускнеют. Символы, которые имели полное, яркое значение в определенную эпоху, – потому что символ ведь не выдумывают, а берут из опыта, – потеряли свое значение, потухли, посерели. Их, конечно, можно обновить, – прежде всего чуткостью, потому что в основе всякого символического выражения лежит опыт, а этот опыт принадлежит всем людям; но с другой стороны, часто можно найти другой символ, современный, осмысленный, не на злобу дня, а имеющий пребывающее значение, который

выражает в точности то же самое, что и прежний, но понятнее, который прозрачен, который сияет смыслом.

Если бы у нас не было проблемы языка, то есть непонятных слов и переставших быть понятными мыслей, образов, если бы наша богослужебная символика стала прозрачней и понятней, то не было бы вопроса о длительности богослужений. В России вообще длительность богослужений не переживается так, как она переживается западным миром. У нас еще сохранилась радость, счастье о том, что нам дано быть перед Божиим лицом, ликовать, петь, плакать, каяться, исповедовать, жить с Богом; не только перед Божиим лицом, как я только что сказал, но именно с **Ним**. Нам дано быть одним живым телом и обществом, не направленным к Богу, но живущим в Нем, с Ним, – с Тем Богом, Который сказал, что мы будем Его сыны и дети, а Он будет нашим Богом, – с Тем Богом, Который нам сказал через апостола Павла, что мы больше Ему не чужие, а свои, родные, Его семья, – с Тем Богом, Который нам позволяет называть Его Отцом в полном смысле этого слова. И тогда радость наша была бы прозрачная и чистая; не было бы этого сознания дурмана, в котором нас упрекают.

Действительно, если богослужение делается темным, непрозрачным, непонятным, то неверующий имеет право поставить вопрос о том, что же оно значит: не является ли оно своеобразным опьянением; не порождает ли оно искусственно переживания, не относящиеся к Богу, к людям, а относящиеся только к самому себе, переживания, которые продлятся ровно столько, сколько продлится действие богослужения, переживания, которые имеют целью только усладить человека и не имеют никаких последствий.

Не таково истинное богослужение. Истинное богослужение, истинная молитва не порождают чувств как бы извне. Они дают свободу самым глубинным, самым подлинным чувствам подняться изнутри на поверхность. И эти чувства, раз уж они родились, никогда не угаснут. Они вошли в сознание, стали частью опыта, они не померкнут оттого, что потухнут лампы, замолкнет хор. Это целый мир внутренней жизни, который пришел в движение. И не наслаждение только они приносят, – они приносят покаяние, обращение к Богу и, главным образом, чувство глубокой, мужественной ответственности. Центр их не в себе, не в человеке, который молится, а в Боге и в ближнем, и плоды такого опыта должны быть явны. Кто-то говорил на собрании здесь, повторяя слова давно сказанные, что проба молитвы не в том, что вы пережили в субботний или воскресный день на богослужении, а в том, как вы живете между двумя богослужениями, от воскресного до субботнего дня.

Если действительно религиозный опыт подлинный, то цель его не в нас, а в Боге, в ближнем, и плоды его – любовь, служение, ответственность, жертва. И тогда можно говорить об обновляющей силе богослужения. Богослужение тогда делается не мертвым повторением, – оно делается тогда творчеством. В древности это сказывалось сотворением богослужебных чинов. И сейчас эта возможность не умерла. Дух Святой Тот же и веет в Церкви, Христос Тот же и пребывает в Церкви, и наша жизнь, как говорит апостол Павел, сокрыта со Христом в Боге. Поэтому мы можем не только повторять то, что отцы древности написали, создали, мы можем научиться чему-то более важному от них: тому горению и той смелости, которые позволили им на основании опыта всей Церкви создать молитвенные чины, выражающие всецерковный опыт. И это продолжается и сейчас; напрасно думать, что этого нет. Из столетия в столетие в Церкви – православной и в инославных Церквях – составлялись молитвы, целые богослужебные формы; творчество это и сейчас не прекратилось. “Журнал Московской Патриархии” несколько раз печатал новые богослужебные тексты в восполнение того, чего не было до сих пор. Поэтому мы должны научиться, с одной стороны, соборной верности истине и опыту церковному, а с другой стороны, смелости пламенного духа, который никогда не удовлетворится простым повторением, который сумеет или обновить изнутри существующие молитвы, или создать новые молитвы, так же соответствующие, как и прежние, духу и опыту Церкви.

Я сказал уже, что по плодам судится молитва, не по переживаниям. Это слова Феофана Затворника. Но, с другой стороны, наличие такого отношения должно породить целый новый строй христианской жизни. Новый не в том смысле, что он должен быть глубоко непохожим на древность, а в том смысле, что перед новыми проблемами христианин должен занять новое положение. В древности так и было; отцы Церкви отзывались **на всё** случавшееся в жизни. Тертуллиан говорил, что ничто человеческое нам не чуждо. И теперь ничто человеческое нам не чуждо – ни в какой области, ни в какой мере, ни в каком смысле. Этим на Ассамблее занималась группа под названием “О стиле христианской жизни”. Она изучала вопрос, какова должна быть христианская жизнь, именно как **жизнь** – не как размышление, не как переживание, не как отношение к жизни, а именно сама **жизнь** – в наше время, в двадцатом веке, перед лицом всей трагедии, которую сейчас переживает человечество. Здесь было осуждено то удаление – ленивое, пугливое – христиан от мира, которое можно определить обратно тому, что говорил Христос. Он заповедал нам быть в миру, но не от мира сего, а мы поступаем наоборот: мы, по существу, от мира сего, но – бежим. Должна быть отрешенность от мира, то есть свобода, беспристрастие, но не должно быть отчужденности, трусости, забывчивости, холодности.

В центре современного сознания жизни христианина стоят слова “солидарность” и “ответственность”. Если мы претендуем на то, что мы – Христово стадо, что мы люди Христовы, то мы должны уметь занять то положение, которое занял бы Христос. Это дерзновенно, но это так, от этого не уйдешь. И поэтому современная жизнь христианина не отрицает монашеского ухода и отрешенности, так же, как она не может отрицать особых путей великого художника, композитора; но в целом наше теперешнее христианское общество проникнуто сознанием, что весь мир стал единым, что есть в нем верующие и неверующие, но проблемы человека, проблемы земли принадлежат равно и тем и другим, и что мы должны стать вместе со всеми людьми доброй воли перед лицом этих проблем и внести в них то богатство понимания, которое не человеческое, а **Божие**, какое нам дано – не только в Священном Писании, но в опыте Церкви, в мысли церковной, и в сердце Церкви. И вот таким образом наше Бого-почитание, наше поклонение Богу, Который есть любовь, расцветает в любовь к человеку. И когда мы, христиане, это поймем, **только** тогда станем мы поистине и Христовыми и членами большого, сложного, порой трагического, но полного будущего, полного надежды человеческого общества, к которому мы принадлежим.

[1] Опубликовано первоначально в “Журнале Московской Патриархии” (1968, № 9). Ассамблея в Упсале – последнее официальное экуменическое собрание такого уровня, в котором принимал участие митрополит Антоний. При всей своей открытости всякому человеку вне вероисповедного признака и межконфессиональному диалогу на всецерковном уровне, Владыка позднее с печалью констатировал расплывчатость догматических критериев, признанных необходимыми для членства в ВСЦ, и чрезмерную вовлеченность этой организации в социально-политические конфликты современности. Ассамблеи ВСЦ собираются раз в семь лет; Русская Православная Церковь впервые участвовала в Ассамблее 1961 года (в Нью-Дели), когда и стала членом ВСЦ.